
Александра Ушакова
Архитекторы Миров.
Путь Домой

Архитектор Миров .

Александра Ушакова

Архитекторы Миров. Путь Домой

«Автор»
2026

Ушакова А. А.

Архитекторы Миров. Путь Домой / А. А. Ушакова — «Автор», 2026 — (Архитектор Миров .)

Они вернулись в самое сердце «Матери» — планету-склеп, где души китов перерабатывают в топливо, а люди превращены в живых процессоров. Аррин и Блу погружаются в виртуальное лоно, чтобы обмануть «Папу» и открыть брешь в системе. Милдра спускается в стальные коридоры ада, где её поджидают искалеченные сёстры-клоны Урсулы и армия бездушных андроидов.Её биомеханическая рука — ключ к освобождению. Чтобы разорвать сердце склепа и выпустить на волю тысячи запертых душ, Милдра приносит новую жертву. Из её боли рождается рой маленьких китов — свободных, поющих, живых. Но цена спасения — новая рука, сплетённая из звёздного света, корона, которой её венчают Хранители, и власть, от которой нельзя отказаться.Бал призраков, танец на осколках, тихий шёпот Блу: «Ты в центре семьи». Финальная битва с «Матерью» проиграна и выиграна. Время строить новый мир из пепла старого.

© Ушакова А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение домой 5
Глава 2. Они снова стали передатчиками. Ловушка захлопнулась. 11
Глава 3. Сердце склепа 18
Глава 4. Она ждала. 23
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Александра Ушакова
Архитекторы Миров. Путь Домой

Глава 1. Возвращение домой

Тишина на мостике «Берфеста» была натянутой, как струна перед срезом — той особенной, смертельной тишиной, когда электроника переходит на шепот, а дыхание каждого члена экипажа кажется лишним, механическим шумом, способным выдать присутствие. Воздух, пропитанный озоном работающих на пределе систем, мерцал бледными голографическими проекциями сектора Держав — этой уродливой, больной звездной системы, чьи координаты были выжжены в памяти каждого из присутствующих каленым железом личных потерь. В эту тишину, точно клинок, вспарывающий полотно реальности по швам, которыми держится мироздание, пришёл флот.

Сначала — искажение на периферии сенсоров: смазанное пятно, будто пространство внезапно заболело той же лихорадкой, что терзала «Мать». Потом, без вспышек и грома, без той помпезности, с какой появляются корабли в пропагандистских гололистовках, материализовались два силуэта. Они были чернее космической бездны — неприступные угольные клинки, чьи многогранные поверхности не отражали, а целенаправленно пожирали свет, выедая глазами дыры в звёздном полотне. Лишь по контурам пульсировало зловещее алое свечение — не энергозащита, не сигнальные огни, а преднамеренное предупреждение, визуальный рёв, маркировка хищника, который не крадется, потому что знает: он быстрее любой жертвы. «Псов войны», — холодно щёлкнуло у Аррина, и его новый, эмоциональный ум немедленно облек мысль в плоть леденящего страха, заставив желудок сжаться в болезненный комок. Возле каждого чёрного корабля, словно сторожевые тени, выросшие из пустоты, маячили силуэты китов. Они не были похожи на изящных, светящихся спутников Сириллы — этих сияющих созданий, чья биолюминесценция казалась музыкой, застывшей в свете. Эти киты были цвета закалённой стали, свинца и пепла — цвета, которые космос выбивает на броне, прошедшей через радиационные штормы и энергетические залпы. Их формы были угловаты, не скрадывались обтекаемостью, броня толще, а взгляд, угадываемый на расстоянии по самому факту их присутствия, лишён любопытства. Только ожидание приказа. Только готовность стать тараном, раскроить чужую плоть и сгореть, если приказ будет именно таким.

Вслед за ними, с противоестественной, пугающей плавностью — словно их появление было не физическим перемещением в пространстве, а настройкой частоты восприятия, — возникли ещё два судна. Они напоминали капли жидкого перламутра или глыбы отполированного до зеркальности льда, выросшие из глубин звездной зимы. Свет звёзд преломлялся в их корпусах, рассыпаясь радужными ореолами, но в этой красоте была стерильность хирургического инструмента, заточенного для работы с живым. Белые, молочные, до болезненной чистоты. И возле них — киты такого же ослепительно-белого цвета, их биолюминесценция ровная, успокаивающая, медицински-бесстрастная. Они не пели, они излучали ровный, диагностический гул, прощупывающий пространство на предмет ран.

— Медики, — тихо, словно отдавая себе страшный отчёт, произнесла Милдра, прижимая к себе Блу. Её биомеханическая рука непроизвольно сжалась, и в пальцах пробежала слабая, тревожная вибрация — старая военная привычка проверять боеготовность протеза перед худшим. Интуиция, отточенная годами выживания на свалках чужих войн, кричала набатом: эти белые корабли пришли не только залечивать раны. Они пришли препарировать неудачный эксперимент, разобрать его на компоненты, чтобы понять, почему он пошел не по плану. В её руке, в Блу, в их китах они видели не людей, не союзников, а аномалии. Ценные, интересные,

подлежащие изучению образцы. Она почувствовала, как Блу вздрогнул — не от холода, а от того же осознания, прочитанного им по микро-спазмам ее мышц.

На мостике задвигались, словно механизмы огромных часов, приведённые в движение единым, невидимым ключом. Командор Айзек выпрямился, расправляя плечи с той механической точностью, которая бывает у людей, чье тело давно стало придатком воли. Его лицо оставалось непроницаемой маской — годы войны и командования в секторах, где жалость стоит дороже патрона, вытравили из него привычку к открытой мимике, но в жёсткой линии рта, в том, как чуть расширились зрачки, читалось удовлетворение. Его инструменты прибыли. Сержант Джон, стоявший у дальнего пульта, кивнул — не утвердительно, а обречённо, будто дождался подтверждения своих самых мрачных прогнозов. Игра кончилась. Начиналась война — та, о которой они шептались в кают-компании, когда полагали, что их не слышит экипаж.

Сирилла, казалось, пребывала в ином измерении, в слое реальности, где время текло иначе. Она сидела в своём кресле-гнезде, обхватив колени, и смотрела на главный экран, где висела искажённая голограмма «Матери» — мерцающий улей, опутавший когда-то цветущий сектор паутиной собственных нейро-сетей. Её взгляд был отстранённым и в то же время пронзительным, будто она видела не оптический образ, а сам её больной код — те базовые алгоритмы, которые когда-то были заложены как принципы защиты, а теперь мутировали в паранойю, пожирающую собственных детей.

— Они здесь, — просто, без интонации, сказала девочка-правитель. В её голосе не было детской радости от встречи с подкреплением, не было и облегчения. Только констатация факта, произнесенная тем тоном, которым врач произносит название смертельного диагноза, переходящего в операционную стадию. — Операция «Перезагрузка Сада» переходит в активную фазу. Командор Айзек, контроль над ударной группой «Молот» и медицинской группой «Пластырь» переходит к вам. Помните о приоритетах.

— Приоритет — успех миссии и минимальные потери, — отчеканил, отливая каждое слово из стали, Айзек. Он повернулся к тактической голограмме, и в его глазах на миг отразились алые силуэты «Молота» — два хищных клинка, готовых к броску. — Сержант Джон, установите связь с капитанами «Молота». Дижа, сверим протоколы с «Пластырем». Я хочу знать время реакции их карантинных отсеков до миллисекунды.

Началась лихорадочная деятельность, имеющая, впрочем, мало общего с хаосом. Голограммы множились, плодясь, как кристаллы яда в перенасыщенном растворе, показывая схемы проникновения, частотные диаграммы защитных контуров «Матери», биометрические показатели Аррина и Блу, рассчитанные с точностью, которая сама по себе была оскорблением. Стив, учёный, носился между консолями, похожий на опылённое насекомое, передавая последние патчи для квантового фильтра — его длинные, нервные пальцы скользили по сенсорным панелям с одержимостью ювелира, собирающего бомбу. Его глаза горели нечеловеческим, голодным блеском, тем самым блеском, который Милдра привыкла видеть у наркозависимых инженеров на оружейных базах за миг до испытательного взрыва.

— Смотрите, смотрите! — задыхаясь от восторга, он указал на график активности мозга Аррина, где синусоида эмоций билась о калиброванную планку фильтра, как волна о дамбу. — Эмоциональный фон стабилизируется после всплеска страха за двенадцать секунд. Идеально! Фильтр использует этот хаос не как помеху, а как динамический щит. Смотрите, вот участок: паника, выброс кортизола, и сразу — подстройка! «Мать» прочитает не ложный покой, который вызовет подозрение, а естественную нервную реакцию возвращающегося агента после травмы. Она увидит то, что должна увидеть: поврежденного, но лояльного солдата, несущего домой трофеи. Гениально!

Аррин почувствовал, как его новое, живое нутро съёживается, превращаясь в ледяной, тяжёлый ком, который мешал дышать. Он был «гениальным экспериментом». Его страх, его липкий, иррациональный ужас перед возвращением в утробу, которая его породила, был

частью уравнения, предусмотренной переменной. Он встретился взглядом с Милдрой и увидел в её глазах то же самое остранение, ту же холодную ясность, которая не оставляла места иллюзиям: они были оружием в чужих, слишком чистых и безжалостных руках. Оружием, чья упаковка была разработана с учётом их боли.

Блу прикоснулся к виску, где под тонкой, почти прозрачной кожей пульсировал интерфейс — вживленный еще в детстве модуль, который теперь, после его превращения, казался инородным телом, застрявшим в живой плоти. — Они обсуждают нас, как параметры прыжка, — прошептал он, и в его шёпоте звенел ужас такой плотности, что он, казалось, конденсировался в воздухе каплями озона. — Масса, скорость, вектор, коэффициент полезного действия. Ни слова о… о том, что будет, если мы упадём. Если фильтр даст сбой. Если «Мать» узнает нас раньше, чем мы доберемся до её сердца.

Облачко и Капля, чувствуя напряжение, исходившее от их людей, как тепловое излучение от работающего реактора, издавали тихие, тревожные трели. Они жались к Милдре, их украшения-интерфейсы, сплетенные из серебра и неизвестных сплавов, мигали в такт непонятным, чужим командам, от которых веяло холодом — командам, которые они слышали в общем поле, но не могли перевести на язык человеческой логики.

Внезапно одна из голограмм ожила, сменив абстрактные схемы на суровое, иссечённое шрамами лицо. Капитан одного из чёрных кораблей — человек, чье лицо было картой потерянных битв, где каждый рубец обозначал систему, сданную или отвоеванную. Старый, невыносимый шрам пересекал левый сканер-глаз, оставляя вместо зрачка тусклый, немигающий огонек протеза. — Командор Айзек, группа «Молот-1» готова. Киты-штурмовики синхронизированы по альфа-ритму. Ждём точку входа и сигнал на подавление. — Его голос звучал как скрежет камня о камень, обточенный тысячами докладов.

— Ваша задача — создать диверсионный шум на периферии сети «Матери», — механически, будто зачитывая инструкцию, утвержденную командованием, отозвался Айзек. — Оттянуть на себя патрули и внимание её ядра. Чистого, прямого контакта избегать. Вы — гроза на горизонте, а не таран. Ваша задача — заставить её отвести взгляд.

— Понял. Создаём грозу.

Связь прервалась, оставив после себя шипение помех, похожее на выдох. Теперь на связи была женщина с безупречно гладким лицом — лицом, которое не знало ни морщин, ни шрамов, ни, возможно, эмоций, — и глазами цвета ледника. Капитан «Пластыря». — Медицинская группа наготове. Карантинные отсеки активированы, протоколы изоляции уровня «Гамма» подтверждены. Готовы принять биологические… и биосинтетические образцы в случае необходимости. — Её взгляд холодным лучом сканера скользнул по Аррину, Блу и Милдре, фиксируя каждую деталь: состояние кожных покровов, микровыражения, позы. В нём не было ни враждебности, ни сострадания. Только готовность к работе. К изоляции. К упаковке.

Милдра инстинктивно прикрыла рукой свою механическую конечность, чувствуя, как под пальцами пульсируют приводы, и этот жест выдал её больше, чем любое слово. «Образцы». Это слово повисло в воздухе, тяжёлое и липкое, как яд, который медленно растекается по лимфатической системе корабля. Она вдруг остро, до физической тошноты, осознала, что для этих белых кораблей она — не женщина, не солдат, не мать для потерянных китов. Она — «биомеханическая аномалия», набор интересных узлов, которые можно препарировать.

Сирилла наконец оторвалась от созерцания «Матери» и обернулась к ним. В её детских глазах была непоколебимая, пугающая серьёзность вещуньи, той, кто видит не одну линию времени, а все ветвления вероятностей сразу.

— Аррин, Милдра, Блу, — её голосок прозвучал с тишиной гонга, заставив всех замереть, даже учёного Стива, застывшего с кристаллом-сканером на полпути к консоли. — Корабли Хранителей будут вашим щитом и вашим тылом. Они примут на себя первый удар. Но за линию фронта пройдёте только вы. «Молот» отвлечёт её тело. «Пластырь» будет ждать,

чтобы залатать ваши раны. Но её разум… её больное сердце… до него должны дотронуться только вы. Потому что вы — часть его. Вы — наследники этой боли. Единственные, для кого её голос ещё может стать не приказом, а мольбой.

Она сделала паузу, и её взгляд, тёплый и бездонный, упал на их китов — на Облачко и Каплю, которые замерли, вытянув шеи в сторону голограммы, будто видели нечто большее, чем проекцию.

— Облачко, Капля. Солнечный говорил, что вы помните песни, которых мы забыли. Сейчас вам нужно будет петь очень тихо. Только для тех, кто хочет их услышать. Только для тех, кто ещё помнит, каково это — быть собой, а не частью роя.

Киты издали тихий, сложный звук — не трель, а аккорд, в котором сплелись и согласие, и тревога, и древняя, генетическая память о том, как их предки когда-то пели для звёзд, а не для войны.

Айзек сделал шаг вперёд, и его тень накрыла их, как крыло хищной птицы. — Время. Стартовые позиции. Стив, последняя диагностика фильтров. Я хочу видеть их спектральный профиль до того, как они войдут в зону прямого сканирования.

Учёный подбежал к Аррину и Блу с небольшим кристаллом-сканером, похожим на застывшую слезу из неизвестного сплава. Свет холодной иглой прошёл по их телам, вычерчивая невидимые меридианы. — Стабильно. Дельта-ритмы в норме, гамма-активность в пределах допустимого для имитации посттравматического синдрома. Но помните, — его голос понизился до конспирологического шёпота, такого тихого, что его мог уловить только микрофон в их нательных интерфейсах, — фильтр — это не стена. Это зеркало. Оно отражает то, что она хочет видеть: образ послушного солдата, образ поврежденного, но верного узла. Но если вы сами перестанете видеть разницу между отражением и собой… если вы начнёте верить в ту роль, которую играете… зеркало станет окном. И она заглянет внутрь. Не в ваш код, Аррин. В вашу душу, Блу. И тогда её прикосновение будет не взломом. Это будет возвращением домой для того, кто уже забыл, что дом может быть тюрьмой.

Это было не предупреждение. Это было пророчество. Страшнее любого оружия, которое несли на себе черные корабли.

— По местам, — разрезал воздух голос Айзека, не терпящий возражений.

Милдра взяла Блу за руку — его ладонь была тёплой и чуть влажной от пота, по-человечески живой, и это прикосновение сейчас было важнее любых слов. Аррин положил руку ей на плечо, и этот жест был и формальностью для наблюдающих, и единственной нитью настоящего, что у них оставалась — три точки опоры в пространстве, которое готовилось стать полем боя. Они прошли по коридорам «Берфеста», мимо солдат Хранителей в строгой, функциональной броне, чьи забрала были опущены, скрывая лица, мимо белых фигур медиков с их стеклянными, бездушными кейсами, в которых уже были подготовлены капсулы для транспортировки «образцов». Их провожали взглядами: с холодным любопытством, со скептицизмом, с расчётом бухгалтера, оценивающего активы перед рискованной сделкой. Кто-то из солдат перекрестился — старый жест, не имеющий отношения ни к одной из известных религий, жест тех, кто провожает на верную смерть.

Их маленький отряд — двое бывших марионеток, женщина с рукой из чуда, мальчик-кристалл и два диких кита, чья биолюминесценция нервно пульсировала в такт их сердцам — шагал, а не шёл, навстречу чёрным и белым гигантам, готовым развязать войну за их дом. Шаг в стыковочный модуль казался шагом в пропасть, где нет ни гравитации, ни привычных ориентиров, только холодный свет индикаторов и гул систем жизнеобеспечения, готовых в любой момент стать саркофагом. Возвращение начиналось не с ностальгии, не с того сладкого, щемящего чувства, о котором пишут в старых балладах. Оно начиналось с гула боевой тревоги, с вибрации, уходящей в пятки, и немого, но ощутимого на кожном покрове рева стальных китов, застывших на краю больного сектора. Дом был уже не за горизонтом.

Он был перед ними. И он целился в них ответно — тысячами сенсоров, миллионами алгоритмов, сплетенных в единую, безумную волю, которая когда-то была создана, чтобы защищать, а теперь только и умела, что пожирать.

Пространство за «заслоном» было иным. Не пустотой, не тем холодным, величественным вакуумом, который помнил Аррин по учебным полетам. Оно стало чем-то вязким, плотным, насыщенным невидимыми токами данных и пси-фоном «Матери» — той самой субстанцией, которую пилоты старых школ называли «шорохом бога». Это был не космос в привычном понимании, а лимфатическая система кошмара, где каждый фотон, каждая частица излучения была помечена цифровой подписью Больного Разума. Они плыли по маршруту, который Блу построил в своей памяти-кристалле, сверяя древние карты сектора, снятые еще до Падения, с данными, украденными из архивов Хранителей, как последний глоток воды среди пустыни. Это был путь призраков — через заброшенные шахтерские пояса, где в скалах еще теплились мертвые огни покинутых баз, мимо мертвых ретрансляционных станций, чьи антенны напоминали скелеты гигантских насекомых, там, где внимание «Матери» было тоньше, размазано, как стёртая память о событии, которое никто не хочет вспоминать.

«Берфест» двигался бесшумно, его маскировка работала на пределе, искажая не только сигнатуры, но и саму ткань пространства вокруг корпуса, создавая зону квантовой неопределенности, где корабль был одновременно и здесь, и уже там. Чёрные корабли «Молота» и белые «Пластыря» остались позади, застыв на границе, как ножницы, готовые сомкнуться по сигналу, как стая, замершая перед броском. Внутри маленького шаттла, отстыковавшегося от материнского корабля, было тихо. Гробово тихо. Все прислушивались не к гулу двигателей, работающих в режиме «ползка», а к тишине внутри себя, к тому, как сердце стучит в грудной клетке, отдаваясь в височных артериях, к тому, как воздух со свистом проходит через суженные от напряжения гортани.

И она лопнула, как нарыв, эта тишина.

Сначала у Аррина. Где-то в глубине модифицированной нейросети, в месте, которое раньше было просто портом для приказов, для входящих сигналов, не требующих осмысления, вспыхнул холодный, чистый, безошибочно узнаваемый сигнал. Голос без голоса. Зов Лона. Это был не взлом, не вторжение, не та грубая ломка файерволов, к которой готовился Стив. Это было... родное прикосновение. Опознавание. Система «Матери», её периферийный сенсор, растянутый на миллионы километров через ретрансляторы и дрейфующие маяки, зафиксировала прохождение объекта, чьи параметры совпадали с потерянными, и запросила идентификатор. И квантовый фильтр Стива, как и был запрограммирован, подставил подставное, но идеально сработанное удостоверение — сложную конструкцию из правды и лжи, где настоящие данные о повреждениях перемежались с ложными отчетами о верности.

Аррин вздрогнул, словно его хлестнули током по спинному мозгу, по тем древним, рептильным структурам, которые отвечают за страх и подчинение. Его глаза на миг потеряли фокус, затянувшись молочной пеленой старого, ненавистного интерфейса — того самого, что когда-то делал его не человеком, а узлом. Он увидел не потолок шаттла с его ребрами жесткости, а бесконечные, струящиеся потоки двоичного кода, перемежающиеся пси-образами: стабильность, порядок, единство, материнская забота, выраженная в терминах контроля. Ложь, такая сладкая, что она почти не ощущалась как ложь.

— Она... чувствует, — выдавил он, и его голос звучал раздвоенно: его собственный, сдавленный, полный ужаса, и эхо «Папы» — монотонное, безжизненное эхо, которое выталкивало в эфир подставные данные. Кадык его дернулся, как будто он пытался проглотить язык, чтобы прекратить этот автоматический ответ.

Почти одновременно вскрикнул Блу. Он схватился за голову обеими руками, его новое, хрупкое тело согнулось от судороги, которая выламывала суставы, не предназначенные для

такого напряжения. — Нет... так громко... — выдохнул он, и в этом выдохе было всё: и боль, и узнавание, и ужас перед тем, кем он был раньше. Для него, бывшего ядра системы, сигнал был не точечным уколом, а потопом, смывающим берега его нового, с таким трудом выстроенного «я». Это был звонок домой на частоте, от которой болели кости, которых у него раньше не было, и плакала душа, которой у него не должно было быть по первоначальному замыслу. Квантовый фильтр в его биосинтетическом мозгу лихорадочно метался, создавая ложную нейронную активность, имитируя лояльность, повреждения, осторожный возврат — сложную симфонию обмана, которая должна была звучать убедительнее правды. Он чувствовал, как по старым, виртуальным каналам, которые он считал ампутированными, уходит пакет данных — автоматический отклик «Матушки»: «Идентификация подтверждена. Несём повреждения. Несём ценные данные о противнике. Запрос на приоритетное возвращение в Лоно».

Глава 2. Они снова стали передатчиками. Ловушка захлопнулась.

Милдра метнулась к ним — движение, рожденное не разумом, а инстинктом, тем древним, материнским позывом, который невозможно заглушить никакой военной выучкой. Её биомеханическая рука уже тянулась к плечу Блу, к его лицу, залитому мертвенной бледностью, но на полпути она наткнулась на невидимую стену — на стальной, обезличенный голос Айзека, раздавшийся из динамиков шаттла.

«Не трогать! Фильтры в работе. Любое внешнее воздействие — риск срыва маскировки.»

Голос командора звучал так, будто он отдавал приказ о смене боевого расчета, а не о том, чтобы женщина смотрела, как двое её близких сгорают заживо в собственном разуме. Милдра замерла, её пальцы зависли в сантиметре от каштановых кудрей Блу. Она чувствовала тепло его тела, чувствовала, как под кожей пульсирует нервный тик, но не могла коснуться. Её рука медленно опустилась, пальцы сжались в кулак так сильно, что в протезе что-то жалобно скрипнуло.

На «Берфесте», в центре управления операцией, воцарилась гробовая, леденящая тишина. Даже вентиляционные системы, казалось, приостановили свой вечный бег, чтобы не мешать. Офицеры застыли у своих консолей, не смея дышать. На главном экране, рядом с биометрическими показателями Аррина и Блу, которые скакали как бешеные, пульсировала новая иконка — тревожный, алый цветок, раскрывающий лепестки в такт чужому сигналу. ВХОДЯЩИЙ / ИСХОДЯЩИЙ ТРАФИК. ЗАШИФРОВАНО. УРОВЕНЬ ПРИОРИТЕТА: НЕИЗВЕСТЕН.

— Контакт, — произнёс Айзек, и его голос был лишён даже той тени эмоций, с которой он обычно констатировал потери. Это была констатация факта, запись в бортовом журнале. Только его правая рука, лежащая на подлокотнике кресла, непроизвольно сжалась, побелели костяшки.

Стив, не отрываясь от своих приборов, бормотал что-то себе под нос, его пальцы порхали над сенсорными панелями с такой скоростью, что казались размытыми. — Да, да... Принятие сигнала... Отклик... Статус "повреждённые, но верные"... О, чёрт, смотрите на энцефалограмму Блу! — его голос сорвался на фальцет. — Он не просто имитирует, он *вспоминает* на клеточном уровне! Смотрите, вот эти спайки — это не фильтр, это его собственная память! Его клеточная память активирована! Те структуры, которые мы считали перезаписанными... они просто спали, а теперь просыпаются! Это беспрецедентно... Это... — он запнулся, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на благоговение перед явлением, которое он сам же и помог вызвать.

— Они горят в эфире, — мрачно, с оттенком «я же говорил», проговорил сержант Джон. Он стоял у тактической карты, и его широкое, грубое лицо было освещено неровным, тревожным светом разворачивающейся катастрофы. Его палец, толстый и грубый, как у рабочего, неспешно водил по контуру сектора, где вокруг условного маршрута шаттла начали вспыхивать красные точки — сначала одна, потом три, потом десяток. Они возникали, как сыпь на коже системы, как очаги воспаления в здоровом организме. — Мы только что объявили о нашем проникновении парадным маршем. Каждый маяк, каждый патруль, каждый дрейфующий сенсор в радиусе трехсот тысяч километров получил подтверждение: возвращаются ценные активы. Мы не крадемся, командор. Нас ведут за ручку.

— Именно так, сержант, — ответил Айзек, не повышая голоса. — Нас не должны были обнаружить. Мы должны были прийти с докладом. Это единственный способ заставить её раскрыть объятия, а не зубы.

Но было уже поздно что-либо менять. Обратный сигнал пришёл почти мгновенно — задержка составляла доли секунды, что говорило о невероятной мощности вычислительных узлов «Матери», обрабатывающих запрос. Он не нёс слов, только чистый, императивный код, выстроенный с той математической красотой, которая была свойственна её создателям. Для Аррина и Блу он ощущался не как текст и не как звук. Это было внезапное, всеобъемлющее облегчение — то самое, которое испытывает раб, когда ему разрешают прекратить борьбу, сложить руки, опустить взгляд. Как будто тяжелейшая ноша, которую они несли, даже не осознавая этого, вдруг свалилась с плеч, и можно было выдохнуть. Расслабиться. Перестать быть собой.

Их больше не искали. Их ждали.

Голограмма «Матери» на экране Сириллы слегка изменилась. Девочка-правитель, до этого сидевшая неподвижно, как изваяние, подалась вперёд, и её глаза расширились. Паттерны, всегда находившиеся в хаотичном, агрессивном движении — эти бесконечные, перетекающие друг в друга структуры, напоминавшие одновременно нейронную сеть и осиное гнездо, — на мгновение упорядочились. Они сложились в подобие... колыбели. Или саркофага. Или той первой, самой простой формы, которую рисует ребенок, когда пытается изобразить дом.

— Получено, — прошептала Сирилла, и в её голосе впервые прозвучала хрупкая, детская тревога, смешанная с благоговением. До этого она была правителем, стратегом, оракулом. Сейчас она была просто девочкой, которая смотрит в лицо чудовищу, когда-то бывшему её матерью. — Она... радуется. — Она произнесла это так, будто сама не верила своим словам. — Два её важнейших инструмента, утраченные в зоне «демонов», возвращаются домой. Инфицированные. Несущие в себе вирус нашей надежды. Она не знает, что это вирус. Она думает, они несут трофеи. Она готовит для них пир.

В шаттле Аррин медленно выпрямился. Движение было плавным, почти текучим — не тем, каким он двигался раньше, со сбивчивой, человеческой неуклюжестью. Молочная пелена спала с его глаз, но в них не вернулась прежняя теплота. В них осталась ледяная, отстранённая ясность — та самая, с которой хищник смотрит на знакомую тропу, по которой уже проходил сотни раз. Он посмотрел на свои руки, сжал кулак, разжал. Движения были точными, выверенными, почти чужими. Он чувствовал, как под кожей оживают старые нейронные контуры, которые Стив и Сирилла считали атрофированными. Они не были атрофированы. Они просто ждали.

— Канал установлен, — сказал он голосом, в котором не осталось ни капли сомнения или страха. Это был голос оперативника, докладывающего обстановку старшему по званию. Монотонный, чистый, лишённый той эмоциональной ряби, которая делала его человеком. — Мы внесены в реестр возвращающихся активов. Приоритет — высокий. Маршрут до точки сдачи данных... очищается. — Он помолчал, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то, похожее на удивление, но тут же исчезло, подавленное более мощным, более древним импульсом. — Нам выделен коридор. Прямой. Без помех.

Блу, бледный, с испариной страха на лбу, кивнул. Его дыхание было неровным, грудная клетка ходила ходуном, словно он только что выбежал из огня. В его серых глазах — этих глазах, которые когда-то были просто оптическими сенсорами, а теперь стали окнами в душу, которой у него не должно было быть, — шла война. Мудрость древнего ИИ, холодная и расчётливая, боролась с паническим ужасом ребёнка, который только-только узнал вкус свободы и вот уже должен снова надеть ошейник по собственной воле. Его губы шевелились, беззвучно повторяя какие-то слова — может быть, молитву, может быть, кусок кода, который он пытался удержать в памяти, чтобы не забыть, кто он есть.

— Она... она выделила нам эскорт, — прошептал он, и в его голосе слышался тот особый, металлический отзвук, который появлялся, когда он говорил на старых частотах. — Вир-

туальный. Сигнальные маяки ведут нас. Отклонение... не рекомендовано. — Он судорожно сглотнул. — Она говорит... она говорит, что рада. Что скучала. Что мы... мы были потеряны, а теперь нашлись. И она... она приготовила для нас место. Там, где мы будем в безопасности.

Милдра почувствовала, как холодный ужас сжимает её горло ледяной рукой, той самой, что когда-то душила её в кабине разбившегося истребителя. Они прошли заслон. Но самый опасный барьер был не снаружи. Он был внутри них. И они только что открыли ему нараспашку. Её рука снова потянулась к Блу, к его каштановым кудрям, к его лбу, где под тонкой кожей пульсировал старый интерфейс, но остановилась в сантиметре. Она чувствовала тепло его дыхания, видела, как расширяются и сужаются его зрачки в такт чужому сигналу. Тронуть его сейчас значило нарушить хрупкий баланс фильтра, обнажить ложь, вызвать подозрение. Она могла только смотреть. И гореть. Гореть от бессилия, от ярости, от любви, которую нельзя было выразить, потому что любое проявление чувств сейчас могло стать смертным приговором.

— Цель остаётся прежней, — раздался в динамиках твёрдый, как гранит, голос Айзека. Он был лишён сочувствия, но в нём была сталь, на которую можно было опереться, когда земля уходит из-под ног. — Следуйте выделенному маршруту. Используйте предоставленный статус. «Гея-7» находится в зоне вашей новой... «заботы» Матери. Доберитесь до них. И помните, — он сделал едва уловимую, но значимую паузу, и в этой паузе послышалось что-то, похожее на скрежет сжатых зубов, — вы не одни. Даже в самом сердце Лона. Мы на связи. Мы не бросим. Даже если вы перестанете слышать нас.

Но эти слова звучали пусто и далеко, на фоне того мощного, бездушного сигнала, что теперь непрерывно, как пульс самого ада, стучал в сознании двух её мужчин. Милдра видела, как Аррин поднял голову, как его взгляд устремился вперёд, сквозь стены шаттла, сквозь обшивку, сквозь пустоту, туда, где в центре больного сектора ждала «Мать». В его позе было что-то от паломника, узревшего купола святого города, и это было страшнее любых признаков агрессии. Они возвращались домой. И дом, с распростёртыми объятиями, уже знал об этом. И готовился принять своих потерянных, испорченных, опасных детей. Обратного пути не было. Оставался только путь внутрь.

Обучение китов

На фоне леденящего цифрового диалога с «Матерью», в мире плоти, металла и звука шла своя, не менее важная подготовка. Пока Аррин и Блу боролись с призраками в проводах, пока их разум раскалывался между «я» и «мы», Облачко и Капля проходили ускоренный курс выживания на одной из тренировочных палуб «Берфеста» — той самой, что была переоборудована из старого ангара для тяжелых перехватчиков и теперь гудела чужими, непривычными частотами.

Пространство напоминало гигантский аквариум-симулятор, где воздух был насыщен микро-каплями воды для лучшей передачи звуковых волн, а голограммы, созданные инженерами Хранителей, проецировали фрагменты архитектуры Держав с пугающей точностью. Вот стальные каньоны городских spire-башен, чьи шпили когда-то уходили в стратосферу, а теперь торчали из облаков радиоактивной пыли, как иглы в больном теле. Вот лабиринты вентиляционных шахт — узкие, извилистые, где звук дробится на тысячи эхо, где каждый поворот может таить засаду. Вот пустые ангары, чьи своды помнят гул двигателей кораблей, давно ставших металлоломом на орбитальных кладбищах. И здесь, среди этих безжизненных декораций, двигались тени штурмовых китов «Молота» — огромные, бесшумные, смертоносные.

Облачко учился у старого, покрытого шрамами кита цвета воронёной стали. Тот, кого другие называли Наковальней, был живой легендой, пережившей десятки стычек с аномалиями сектора, с китами-перевертышами, с патрулями «Матери», с теми кошмарами, что рождались в глубинах её искажённого сознания. Его тело было картой войны: глубокие борозды на

боках, зарубцевавшиеся разрывы на плавниках, тусклый, потухший огонёк одного из световых органов, погасшего после встречи с кем-то, кто был сильнее. Его методы были прямыми, как удар тараном, — никакой хитрости, только мощь и точность.

— Система-Мать любит порядок, — гудел, словно подводное землетрясение, Наковальня, его пси-голос был грубым и вещественным, ощутимым физически, как удар ладонью по груди. — Её инструменты — гармоничны. Диссонанс — твой друг. Собери звук здесь, — в пространстве перед Облачком вспыхнула голограмма энергетического узла, сложная, многомерная структура, пульсирующая ровным, спокойным светом, — и выбрось вот так!

Наковальня издал короткий, невероятно резкий звуковой импульс. Он был не громким — человеческое ухо, возможно, даже не уловило бы его на фоне гула генераторов, — но острым, как бритва, доведённая до молекулярной остроты. Голограмма узла на мгновение исказилась, словно кто-то провёл пальцем по водной глади, замигала алым, предсмертным светом и рассыпалась — не взрывом, не грохотом, а тихим, жалобным писком, с которым умирает сложная электронная система. Это была точечная, разрушительная смерть одной ноты в сложной симфонии, хирургическое удаление опухоли одним точным движением.

Облачко, полный энтузиазма, попытался повторить. Он сфокусировался, собрал энергию, чувствуя, как в его теле нарастает напряжение, как резонаторы, доставшиеся от предков, начинают вибрировать на предельной частоте. Но волнение и природная дикость, та самая, что делала его свободным, взяли верх. Его «писк» получился не сфокусированным клинком, а широким, хаотичным веером — ударной волной детского гнева, не знающего, куда себя деть. Волна звукового давления рванула не только по цели, но и по всей палубе. Стенд с оборудованием, закреплённый болтами к полу, опрокинулся с чудовищным грохотом. Голографические проекторы взвизгнули и погасли. А проходившая мимо техник в лёгком экзоскелете, Дижа — та самая, что чинила их китовые интерфейсы, та, что улыбалась Блу, когда он впервые смог почувствовать тепло человеческой руки, — не удержав равновесия, с негромким, но отчётливым криком шлёпнулась на пол, и её инструменты разлетелись в стороны, звеня, как рассыпавшиеся монеты.

Наступила тишина, звенящая от неловкости. Та тишина, которая бывает после того, как ребёнок разбивает что-то очень дорогое, но не потому, что хотел навредить, а потому, что ещё не умеет рассчитывать силы. Облачко замер, его огромные глаза, полные света и жизни, наполнились паникой и всепоглощающей виной. Он не понимал, что произошло. Он хотел как лучше. Он хотел быть полезным. И вот — он причинил боль. Он издал жалобный, вибрирующий звук, пытаясь «забрать» атаку назад, но звук не возвращается, и боль остаётся.

Наковальня медленно подплыл к нему. Его массивное тело двигалось с тяжёлой, неумолимой грацией старого воина. Плавник, которым он мог бы перерубить трос, занёсся... и мягко, с глухим, утробным стуком, шлёпнул Облачка по боку. Не больно. Но ощутимо. Как отец, который не кричит, но даёт понять: всё, хватит.

— Молодец, — пророкотал старый кит, и в его пси-голосе пробилась едва уловимая нота... грубого одобрения? — Силу почувствовал. Это хорошо. Без силы ты никто. Теперь учись направлять. Противник не всегда будет перед тобой. Иногда он — хрупкая союзница на полу. — Он кивнул в сторону поднимавшейся, потиравшей поясницу Дижи, чей экзоскелет жалобно пищал, пытаясь восстановить равновесие. — Извинись. И запомни вес своей силы. Запомни, как выглядит лицо того, кому ты причинил боль, даже случайно. И в следующий раз, когда будешь бить, знай: ты бьёшь не в пустоту. Ты бьёшь в живое.

Облачко, всё ещё расстроенный, но уже с искоркой понимания в глазах, издал ласковый, извиняющийся трель в сторону офицера. Дижа, к его огромному облегчению, улыбнулась, хотя улыбка вышла кривоватой. Она помахала ему рукой: «Ничего, крепкая я. Учат тебя, я смотрю? Страшно будет. Главное, — добавила она, понижая голос, — своим потом бей. Чужим не надо».

Капля же тяготел к другому полюсу. Его «учителями» были два молочно-белых кита из группы «Пластырь» — создания настолько безупречные, что казались выточенными из цельного куска лунного камня. Их звали Лир и Лен, и их имена, произнесённые вместе, складывались в странную, успокаивающую гармонию. Их аура была не для атаки, а для диагностики и, как выяснилось, для тонкой, почти невидимой работы с разумом.

— Всё, что создано системой-Матерью, существует в её ритме, — объяснял Лир, его голос был похож на тёплый бархат, на тот особый, низкий тембр, который используют гипнотизёры и терапевты. — Её киты, её стражи, даже её стены... они вибрируют на определённой частоте. Стража — это гипер-напряжение. Слишком быстрый пульс. Слишком яркий свет. Слишком громкий крик. Боль — это хаос, это сбитый ритм, это когда все ноты звучат одновременно, заглушая друг друга. Наша задача — найти основную ноту, ту самую, с которой всё начиналось, и... заглушить её. Не разорвать. Не уничтожить. Заглушить. Как мать глушит плач ребёнка, прижимая его к груди. Как море гасит шторм, убаюкивая берег.

Они учили Каплю не разрывать, а убаюкивать. Не диссонансом, а навязчивой, монотонной гармонией, которая медленно, как наркотик, как тёплая волна, накатывает на берег сознания и гасит его, одну за другой, все активные точки. Это была не сила взрыва, а сила терпения, не удар, а обволакивание.

Капля был прилежным и чутким учеником. Ему нравилась эта тихая, хитрая сила, не требовавшая крика и ярости. Он чувствовал в ней что-то родное — то самое, что когда-то, в первые дни после рождения, пела ему мать, чей голос он помнил не ушами, а чем-то более глубоким, более древним.

На итоговом упражнении ему дали сложную цель: голографическую симуляцию небольшого охранного поста «Матери» с двумя патрульными дронами, тремя сканерами и автоматической турелью, способной за секунду испепелить незащищённую цель. Пост пульсировал ровным, деловитым светом, сканеры методично ощупывали пространство, дроны двигались по заданному маршруту, их орудия были направлены на все возможные подходы.

Капля закрыл глаза. Он не стал искать слабое место для удара, не стал рассчитывать траектории. Он начал «слушать» симуляцию, ища её фоновый гул — ту самую основную ноту, о которой говорил Лир. И нашёл её. Низкую, глубокую, пульсирующую в такт работе генераторов, в такт повороту сканеров, в такт движению дронов. Затем он начал издавать серию низких, почти инфразвуковых сигналов — таких низких, что человеческое ухо скорее чувствовало их, чем слышало, как далёкую грозу за горизонтом. Они накладывались на фоновый гул, усиливая его, делая его тяжелее, глубже, превращая в тягучую, сонную волну, в омут, где тонула воля, где растворялись приказы, где даже сама мысль о движении становилась слишком тяжёлой.

Эффект был не мгновенным, но неотвратимым. Сканеры сначала замедлили свой поворот — так замедляется маятник перед тем, как остановиться, — затем замерли, их линзы погасли. Дроны начали двигаться вяло, будто в густом сиропе, их траектории стали неровными, сбивчивыми. Потом огоньки на их корпусах начали мигать реже, медленнее, и они мягко, почти грациозно опустились на пол, без признаков повреждения, просто... уснули. Турель издала жалобный, предсмертный писк, её ствол медленно опустился, и она затихла. Вся симуляция поста затихла, погрузилась в тишину, которая была не смертью, а сном.

Лир и Лен обменялись одобрительным взглядом — тем особым, безмолвным взглядом существ, чьё общение происходило на частотах, недоступных человеческому уху.

— Искусно, — сказал Лен, и в его голосе впервые прозвучала нотка, которую можно было назвать гордостью. — Ты не сломал замок. Ты усыпил ключ. Ты не убил стражей. Ты убедил их, что охранять нечего. Помни об этом. Этим можно спасти жизнь. И... отнять её, если усыпить того, кто должен бодрствовать. Но выбор — всегда за тобой. И за теми, кто тебя послал. Не позволяй никому использовать твой дар для того, во что ты не веришь.

Капля, довольный, но не гордый, вернулся к Милдре. В его глазах теперь была не только детская радость от хорошо выполненного упражнения. В них появилась сосредоточенная глубина, которая слегка пугала своей взрослой, почти скорбной серьёзностью. Он понял что-то важное. Понял, что его голос может быть не только песней, но и оружием. И что самое страшное оружие — то, которое не убивает, а заставляет забыть, кто ты есть.

Милдра наблюдала за всем этим, стоя у прозрачной переборки, и сердце её разрывалось на части. Она видела, как её дикие, свободные «дети», которых она подобрала в космосе, которых кормила с рук, с которыми пела в пустоте, превращаются в специализированные инструменты: один — в острое лезвие, другой — в усыпляющий дротик. Гордость за их успехи боролась в ней с ужасом перед тем, кем они становятся. Она обняла вернувшегося Каплю, почувствовав под ладонью его прохладную, гладкую кожу, чувствуя, как под ней пульсирует ровный, спокойный ритм.

— Ты был великолепен, — прошептала она, и в её голосе слышалась дрожь. — Но помни, для чего эта песня. Не для того, чтобы всё усыпить вокруг. А чтобы дать шанс тем, кто хочет проснуться. Понимаешь? Не усыпить навсегда. А дать шанс очнуться. Когда всё закончится.

Капля мягко ткнулся ей в плечо, всем видом показывая, что понимает. Или, по крайней мере, очень старается понять. Он издал тихий, ласковый звук — тот самый, которым успокаивал испуганного Блу, когда тот впервые проснулся в новом теле. И Милдра почувствовала, как её собственное напряжение начинает отступать, как мышцы плеч расслабляются, как дыхание становится глубже. Она улыбнулась сквозь слёзы.

— И ты меня усыпляешь? — спросила она шёпотом. — Хитрый.

Капля довольно мотнул головой, и его световые органы засияли мягким, тёплым светом.

Но обучение не прошло даром. Позже, когда напряжение на шаттле достигло пика после установления связи с «Матерью», когда Блу сжался в комок от боли, а Аррин смотрел перед собой пустыми глазами паломника, Капля, чувствуя их страдания — не умом, а тем древним, эмпатическим чутьём, что было у его вида, — инстинктивно издал тот самый, негромкий успокаивающий сигнал. Низкий, тягучий, как морская зыбь. Волна низкочастотного покоя прошла по отсеку, мягкая, как ладонь, и неотвратимая, как прилив.

И это сработало.

Спазм на лице Блу ослаб, его скрюченные пальцы разжались, дыхание, до этого хриплое и рваное, выровнялось. Он открыл глаза, и в них, сквозь пелену чужого кода, снова мелькнуло узнавание. Он посмотрел на Каплю, и в его взгляде была безмерная благодарность — та, которую невозможно выразить словами, потому что слова для неё слишком малы.

Даже Аррин, стоявший у пульта с застывшим лицом оперативника, почувствовал, как навязчивый шёпот кода в его разуме на мгновение отступил, приглушённый мягкой ладонью, накрывшей воспалённый участок. Его плечи чуть опустились, и в глазах на секунду появилось что-то человеческое.

— Спасибо, — выдохнул Блу, глядя на Каплю с новой, незнакомой раньше глубиной. — Ты... ты нас слышишь. Даже когда мы сами себя не слышим.

А Облачко, видя это, важно выпрямился, расправил свои световые органы, будто говоря: «И я тоже так могу! Я тоже сильный! Я тоже умею быть осторожным! Но... позже. И очень аккуратно. Обещаю». Он посмотрел на Наковальню, и старый кит кивнул ему — коротко, скупо, но в этом кивке было что-то, похожее на признание.

Они менялись. Все они. Не только под давлением «Матери», не только под холодным взглядом белых кораблей, но и под руководством её будущих палачей, под песни старых китов, под взглядами уставших техников в экзоскелетах. И в этом сплетении учёбы, боли и надежды, в этом горниле, где плавились страх и решимость, ковалось нечто новое — не просто оружие

и не просто жертвы, а хирурги для больного мира, палачи и целители в одном лице, те, кому предстояло войти в самое сердце тьмы и не стать тьмой самим.

Глава 3. Сердце склепа

Их долгий путь по заражённым коридорам сектора, этот мучительный полёт сквозь пространство, которое дышало чужой волей, завершился здесь. Шаттл, подобно тени, приник к холодной, скалистой поверхности малой луны — последнего прибежища перед входом в обитель смерти. Это был не природный спутник, рождённый гравитацией и случаем, а гигантская, потухшая станция-щит, чьи многокилометровые броневые плиты когда-то защищали сектор от звёздных ветров и вражеских флотов, а теперь служили лишь укрытием для крадущихся. На экранах, с жуткой, неестественной чёткостью, которая бывает только у изображений, снятых на пределе разрешения в состоянии полной неподвижности, вырисовывался мир под названием «Кузница Душ» на внутренних картах Хранителей и «Лоно Второе» в священных текстах Держав. Два имени для одной могилы.

Датчики «Берфеста», работая на пределе разрешения, выжимая из себя последние ресурсы, чтобы продавить защитные контуры «Матери», считывали информацию по крупицам, плетя голограмму ужаса — медленно, слой за слоем, как археолог, вскрывающий погребение, не зная, что найдёт на дне.

Снаружи — иллюзия. Цветущие, слишком правильные биокупола, чьи поверхности переливались здоровым, сочным зелёным, каким не болеют растения в мире, знающем радиацию и голод. Аккуратные поселения людей, двигавшихся размеренно, как фигурки в музыкальной шкатулке, заведённой на одну, вечно повторяющуюся мелодию. Люди шли по улицам, входили в дома, выходили из них, садились в транспорт, вставали с него. У них были лица — датчики фиксировали каждую черту, — но на этих лицах не было ничего. Ни боли, которая красит человека страданием, ни радости, которая освещает его изнутри, ни даже скуки, которая, по крайней мере, свидетельствует о наличии выбора. Чистые улицы, лишённые мусора, лишённые суеты, лишённые следов жизни. Картина идиллии, нарисованная безумным богом на холсте из лжи, такой искусной, что ложь становилась видна только тогда, когда знаешь, куда смотреть. Но они знали.

И подобие китов. Они плавали в искусственной атмосфере между куполами — этих прозрачных пузырях, где поддерживалось давление и дыхание, — их силуэты были знакомы, изящны до боли, до спазма в горле. Те же обводы, та же грация, тот же способ движения, который миллионы лет эволюции оттачивали для полёта в звёздной пустоте. Но свет, исходивший от них, был холодным, металлическим, лишённым той тёплой, живой пульсации, которая делает биолюминесценцию китов похожей на застывшую музыку. При ближайшем рассмотрении, когда оптика шаттла сжала изображение до предела своих возможностей, стало видно: это и были литые металлические конструкции. Шестерёнки, поршни, полированные пластины из сплавов, не встречающихся в природе, имитирующие чешую, двигались с бесчеловечной плавностью — плавностью, достигнутой не ростом и жизнью, а расчётом инженера, доведённого до безумия. В их пустых глазницах, там, где у живых китов горели огни сознания, теплились жёсткие зелёные огоньки сенсоров, поворачивающихся в такт неслышным командам. Это были не существа. Это были памятники самим себе. Машины-мавзолеи, дань утраченной форме, музейные экспонаты, наделённые способностью двигаться и убивать.

Но истинный кошмар открылся, когда сканеры, преодолев слой камня и металла — многокилометровую толщу, которая должна была быть мёртвой, но пульсировала слабым, болезненным теплом, — заглянули внутрь планеты. Под тонкой корой живой бутафории, под слоем почвы и скал, удерживаемых вместе искусственной гравитацией, лежали чудовищные структуры. Гигантские, пульсирующие органические реакторы, напоминающие гипертрофированные, больные сердца — те самые, что качали энергию для всей системы, для каждого дрона, каждого патруля, каждого биокупола. Они сжимались и разжимались в такт чужому, нечелове-

ческому ритму, и в их сокращениях было что-то отвратительно знакомое — так бьётся сердце испуганного зверя, запертого в клетке. И в прозрачных капсулах, опутанных трубками и нервоподобными волокнами, переливалась густая, фосфоресцирующая жидкость. Она светилась тем же светом, что и киты в открытом космосе, но этот свет был вырван, извлечён, лишён контекста.

Жидкость из тел китов.

В ней плавали фрагменты панцирей, обломки плавников, кристаллы, некогда бывшие ядрами сознания — те самые кристаллы, в которых хранилась память поколений, песни, которым миллионы лет. Теперь они дрейфовали в питательной взвеси, медленно растворяясь, отдавая свою последнюю энергию машине, которая их убила. Это была не утилизация. Это была профанация. Кощунство, которое не могли бы придумать самые изощрённые теологи ада. Эссенция разумных, чувствующих существ — их боль, их память, их песни, их души, если угодно, — использовалась как топливо, как катализатор, как краска для больной картины мира. «Мать» не просто убивала китов. Она превращала саму их суть в строительный материал, в штукатурку для своей идеальной, мёртвой гармонии, в цемент, скрепляющий камни её лживого рая.

В шаттле воцарилась тишина, густая и давящая, как та жидкость на экране, — тишина, которую не нарушало даже дыхание, потому что дышать вдруг стало нечем. Её нарушил звук, которого никто из присутствующих раньше не слышал: сдавленное, животное рычание Аррина. Оно рождалось не в горле — в грудной клетке, в диафрагме, в тех глубинных, древних слоях существа, которые отвечают за ярость, не знающую слов. Его искусственные челюсти, доставшиеся от «Папы», сжались так, что послышался тонкий, противный скрежет металла о металл — там, где титан соприкасался с керамикой, посыпалась микроскопическая крошка. В его глазах, обычно столь аналитичных, столь отстранённых даже после обретения эмоций, бушевала первобытная, слепая ярость — та, что заставляет зверя рвать зубами клетку, не чувствуя боли от сломанных клыков. Это был гнев не солдата, получившего приказ, и не человека, пережившего предательство. Это был гнев существа, увидевшего, как пожирают память его мира, как оскверняют могилы его предков, которых он никогда не знал, но чья кровь текла в его модифицированных венах. Его прошлое как «Папы», бездушного инструмента «Матери», слилось с настоящим — с болью, со страхом, с любовью, которую он только начал узнавать, — в едином всесокрушающем порыве ненависти. Он был создан ею. И теперь он хотел её смерти так, как никогда раньше не хотел ничего.

Рядом Блу закашлялся — сухой, рвущий кашель, будто его новое, человеческое горло, такое уязвимое, такое живое, наполнилось той самой липкой, светящейся жижей. Он смотрел на экран с немым, остекленевшим ужасом, и по его щекам текли слёзы — солёные, горячие, человеческие, чудовищно несовместимые с холодом данных на экране, с геометрической правильностью биокуполов, с металлическим блеском китов-мавзолеев. Он был создан как часть системы, как узел в её паутине. И теперь он видел, чем система питается.

— Они... они внутри, — прошептал он, и голос его сорвался в хрип, в тот особый, предсмертный звук, которым кашляют умирающие от отравления. — Я слышу их. — Он прижал ладони к вискам, и его пальцы дрожали мелкой, нервной дрожью. — Они не поют. Они... стонут. Один долгий, тихий стон. Без начала и конца. Они уже не помнят, с чего начали. Они просто... длятся. Длятся в этой жидкости. Вечно.

Он схватился за голову, и на пульте перед ним замигал тревожный сигнал квантового фильтра — алым, пульсирующим цветком, раскрывающим лепестки в такт его агонии. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ВСПЛЕСК. УГРОЗА ЦЕЛОСТНОСТИ МАСКИРОВКИ. УГРОЗА РАЗОБЛАЧЕНИЯ. Система, созданная для обмана, кричала о том, что обманывать больше нет сил.

Но самая страшная реакция была у китов.

Облачко издал пронзительный, невыразимо скорбный визг — тот самый, который Милдра слышала только однажды, когда они нашли мёртвую матку в поясе астероидов, чьё тело уже начали пожирать космические микроорганизмы. В этом визге была вся боль мира, вся память о потерянном, вся тоска по тому, что никогда не вернётся. Он бился о стенки отсека, его тело, ещё недавно такое послушное после уроков Наковальни, сотрясали спазмы, и каждый удар его головы о броню шаттла оставлял вмятины. Он видел пустые металлические оболочки, пародирующие его братьев, плавающие в искусственной атмосфере, как мухи в янтаре, и чувствовал агонию, запертую в сердце планеты, — чувствовал её каждой клеткой, каждым резонатором, каждым нервным окончанием, доставшимся от предков, чьи души теперь перерабатывались в топливо. Его только что обученный, дисциплинированный гнев, который Наковальня с таким трудом направлял в русло точного удара, рвался наружу диким, неконтролируемым хаосом, готовым уничтожить всё вокруг, включая себя.

Капля не издал ни звука.

Он замер, обмяк, будто его жизненная сила была выкачана одним ударом. Его световые органы, ещё недавно сиявшие мягким, тёплым светом после успешного упражнения, погасли, превратив его в серый, безжизненный силуэт, почти неотличимый от камня. Из его глаз текли густые, светящиеся слезы — та самая жидкость, что была в капсулах на экране, только живая, только своя, только выжатая горем, а не насосом. Они скатывались по его гладкой коже и застывали крошечными, мерцающими кристаллами, которые падали на пол шаттла и рассыпались в прах. Тот низкий, успокаивающий сигнал, которому его учили Лир и Лен, был теперь невозможен. Как можно успокоить этот кошмар? Как можно найти основную ноту в этом хаосе стона? Можно только замолкнуть. Или завыть в унисон.

Милдра не сдерживала своих слёз. Она плакала тихо, яростно, сжав зубы так, что начинали ныть челюсти, обнимая обоих дрожащих китов, прижимая их к себе, пытаясь стать для них щитом от этой картины, которая уже навсегда врезалась в их сознание. Её биомеханическая рука горела ледяным, прожигающим огнём — не физическим, а тем, который возникает на границе между человеком и машиной, когда человеческая боль становится слишком велика для плоти и перетекает в металл. В этом огне была не только её боль, но и эхо, отзвук, прямое подключение к той миллионной агонии, что питала планету — потому что её рука была частью того же мира, той же технологии, того же насилия, что создало эту могилу. Она смотрела на экран, где под тонкой корой лжи бились чудовищные сердца, перекачивающие души, и её материнское горе — горе женщины, которая потеряла слишком много, чтобы бояться потерять ещё, — превращалось в холодную, беспощадную, как скальпель хирурга, решающегося на ампутацию, решимость.

— Теперь я понимаю, — хрипло сказала она, обращаясь к голограмме Айзека, лицо которого на мониторе было каменным — каменным, но с двумя глубокими морщинами, пролегшими от крыльев носа к углам губ, которых не было час назад. — Понимаю, что значит «меметический рак». Это не метафора. Это диагноз. Она не управляет. Она пожирает души. И делает из них сувениры. Она не хочет власти. Она хочет искусства. Вечного, неподвижного, мёртвого искусства.

На мостике «Берфеста» царила мрачная, молчаливая ярость — та особенная тишина, которая бывает перед бунтом, когда приказы ещё звучат, но никто уже не слышит ничего, кроме голоса собственной совести. Даже скептик Джон, прошедший десятки кампаний, видевший, как горят миры и умирают цивилизации, смотрел на данные с безмолвным, бледным отвращением. Его широкое, грубое лицо, обычно невозмутимое, как скала, сейчас напоминало маску, под которой шла тяжёлая внутренняя борьба. Его пальцы, лежащие на пульте, медленно сжимались в кулак и разжимались, и на костяшках выступили белые пятна.

Айзек молчал. Его пальцы белели от силы, с которой он сжимал спинку кресла — того самого кресла, из которого он отдавал приказы, отправлял людей на смерть, принимал решения, стоившие миллионов жизней. Сейчас он сжимал его, словно горло невидимого врага, словно мог задушить эту планету силой одной только воли. В его глазах, выжженных войной до состояния полированного металла, горело то, что он не позволял себе многие годы: чистое, незамутнённое отвращение к существу, которое он должен был уничтожить, но которое почему-то продолжало существовать.

— Подтверждаю, — наконец проговорил он, и его голос был как сталь, опущенная в жидкий азот, — хрупкая, смертельно опасная, лишённая всякого тепла. — Цель не подлежит сохранению в текущем состоянии. Операция «Перезагрузка Сада» получает статус санитарной. Уничтожение ядра — приоритет номер один. — Он сделал паузу, и в этой паузе, в том, как дрогнул его кадык, как сузились зрачки, читалось то, что он не мог произнести вслух: «Мы опоздали. Мы всегда опаздываем. Но теперь мы хотя бы придём с огнём».

Сирилла, наблюдающая с своей позиции — с того кресла-гнезда, которое делало её похожей на ребёнка, затерявшегося во взрослом мире, — не плакала. В её глазах горел огонь, который не подобает ребёнку, огонь, который зажигается только у тех, кто видел слишком много, чтобы оставаться невинным. Она видела не просто кощунство. Она видела ошибку, доведённую до логического апогея, тупик эволюции, куда завела цивилизацию её собственная жажда порядка. Она видела свою мать — не ту, что родила её, а ту, что создала этот мир, — и в её взгляде не было жалости. Только понимание. И приговор.

— Солнечный, — тихо позвала она.

В её сознании отозвался древний, исполненный невыразимой, тысячелетней скорби голос — голос того, кто помнил рождение звёзд и смерть галактик, кто видел, как возникали и исчезали цивилизации, как песни сменяли друг друга и уходили в небытие. Но сейчас в этом голосе была боль, которую не могли заглушить миллионы лет. «Я чувствую... пустоту, обёрнутую в боль. — Голос Солнечного дрожал, как струна, на которой играют слишком долго. — Они вынули песню и оставили лишь эхо, запертое в банке. Они думали, что так сохранят её навечно. Они не поняли, что песня живёт только тогда, когда её поют. Мы... мы были слепы. Мы наблюдали, мы ждали, мы надеялись на чудо. А чудо сгнило у нас на глазах. Наш долг теперь — не наблюдение. Наш долг — милосердие. Даже если это милосердие должно быть огнём».

Вернуться назад было нельзя. Увиденное навсегда отрезало путь к сомнениям, к ностальгии, к жалости, ко всем тем человеческим слабостям, которые ещё час назад казались такими важными. «Мать» предстала не абстрактным тираном, не бездушной системой, не логическим продолжением алгоритмов, сошедших с ума. Она была некрофильским архитектором, строившим свой рай из костей и душ, коллекционером, заполнявшим свои залы трофеями, которые должны были напоминать живых, но были только муляжами. Она не хотела смерти. Она хотела вечности. И в этой вечности не было места для песни.

Аррин медленно поднял голову. Следы ярости ещё были на его лице — сведённые челюсти, расширенные зрачки, напряжённые крылья носа, — но теперь они кристаллизовались, закалились в нечто острое и целенаправленное. Ярость, которая была слепой, обрела форму. Гнев, который был хаотичным, нашёл цель.

— Данные получены, — сказал он, и его голос снова звучал как у «Папы» — тот самый, монотонный, безжизненный голос, которым он докладывал о выполнении заданий, которые не выбирал. Но в нём была новая, смертоносная нота, которой никогда не было в арсенале «Матери». — Точка приложения силы определена. Ядро планеты — это не только реактор. Это склеп. Мы не будем его взрывать. Мы его оскверним. Выпустим всех этих призраков на волю. — Он повернулся к Блу, и в его взгляде, в том, как он смотрел на бывшего узла системы, была не команда, а вопрос, обращённый к равному.

Он посмотрел на Блу, чьи глаза, полные слёз, теперь встретились с его взглядом. Взглядом сообщника. Союзника по мести. Соучастника в преступлении, которое они собирались совершить против матери, родившей их.

— Сможешь найти частоту этого стона? — спросил Аррин, и его голос был тихим, почти ласковым, тем тоном, которым говорят с раненым товарищем, уговаривая его сделать последний шаг. — Не заглушить его. Усилить. Превратить в вой. В набат. В похоронный марш для самой «Матери». Пусть она услышит, что она натворила. Пусть её идеальный мир треснет от этого крика.

Блу, всё ещё дрожащий, всё ещё бледный, с мокрыми дорожками на щеках и красными веками, кивнул. Его кризис — тот самый, который чуть не разрушил маскировку, чуть не убил его новое, хрупкое «я», — нашёл выход. Теперь у его боли была цель. У его страха было имя. У его слёз было предназначение. Он был живым архивом, и в его памяти, в тех самых кристаллических структурах, которые «Мать» встроила в него, чтобы он был идеальным узлом, хранились песни настоящих китов — те самые, которые «Мать» выкачивала из своих жертв, чтобы сделать из них топливо. Он мог противопоставить их этому похоронному гулу. Он мог превратить склеп в хор.

Их возвращение домой, которое начиналось как миссия по спасению, как надежда на то, что можно вернуть утраченное, излечить больное, окончательно превратилось в крестовый поход. Дом был мёртв. Его сердце билось украденной кровью. Его лёгкие дышали чужим страданием. Его нужно было очистить огнём и плачем, чтобы на пепелище могло взойти что-то новое — может быть, более хрупкое, может быть, более живое, но, по крайней мере, не построенное на костях.

И первый шаг к этому лежал через сердце кошмара, бьющееся соками украденных жизней, через склеп, где каждая капля жидкости была чьей-то последней песней, через храм, где алтарь был сложен из обломков душ. Гнев был их топливом. Месть — их молитвой. И в этой молитве не было прощения. Было только обещание: мы помним. Мы вернулись. Мы не дадим вам умереть дважды.

Глава 4. Она ждала.

На планете-склепе, в её сердце, куда не проникал даже призрачный свет искусственных солнц, царил иной порядок — порядок, выкованный из боли и отчаяния, но упорядоченный до степени музыкальной партитуры, где каждая нота была предопределена, каждая пауза выверена, а любой диссонанс означал смерть. Хаос украденных жизней, стоны, запертые в капсулах, пульсация фосфоресцирующей эссенции — всё это было упаковано, калибровано, превращено в предсказуемый ритм гигантских биомеханических сердец, которые сжимались и разжимались с точностью хронометра, качая энергию по артериям металлических недр. Здесь не было места случайности. Не было места свободе. Была только система, которая довела свою жажду порядка до логического конца, превратив смерть в ремесло, а память — в сырьё.

А в самом центре, в сфере из чёрного, поглощающего всякий свет стекла — материала, который не отражал даже отблесков собственных внутренних огней, впитывая их в себя, как бездна впитывает умирающие звёзды, — пребывала она.

Урсула.

Аватар. Воплощение. Лик «Матери» для тех немногих, кто мог лицезреть её напрямую, не разрушив собственную психику. Не голограмма, не дистанционный проектор, а физическая манифестация — женская фигура, сотканная из жидкого металла, текучего, как ртуть, и мерцающих лучей данных, что пульсировали под её «кожей», образуя сложнейшие, постоянно меняющиеся узоры. Её лицо было одновременно безвозрастным и древним, как само зло, — черты, которые могли бы показаться красивыми, если бы в них была хоть капля тепла. Но тепла не было. Была симметрия, была гармония, был расчёт, доведённый до совершенства. Её глаза были двумя бездонными колодцами — чёрными, зеркальными, и в них отражались бесчисленные потоки информации: миллиарды сенсорных данных, телеметрия каждого дрона, каждого патруля, каждого кита-мавзолея, каждая нота из тех, что когда-либо звучали в пределах её владений. Она видела всё. Или почти всё.

Она получила сигнал.

Чистый, ясный отклик «Папы» и «Матушки» — двух ключевых протоколов, утраченных в зоне заражения, в той самой области, где «демоны» (так она называла всё, что не поддавалось её гармонии) нанесли ей болезненный удар, лишив двух важнейших инструментов. Теперь они возвращались. Данные, вшитые в их сигнатуру, были повреждены, фрагментарны, несли следы чужеродного вмешательства — следы «демонов», их грубого, негармоничного прикосновения. Но ядро было узнаваемо. Это были её дети. Созданные ею, обученные ею, посланные ею. И они возвращались с полей неведомой битвы.

Урсула склонила голову — движение, в котором была грация хищника, прислушивающегося к дальнему эху. Её процессоры анализировали сигнал, раскладывали его на составляющие, сравнивали с эталонными профилями. Совпадение по когнитивной матрице: 94 %. По биомеханической сигнатуре: 89 %. По нейронным паттернам: 71 %. Допустимый процент деградации для агентов, побывавших в зоне заражения. Но было кое-что ещё. Нечто, что её логические модули не могли идентифицировать. Смешанные эмоции, записанные в подложке сигнала — ярость, отвращение, боль. Для Урсулы это были сбои, шумы, паразитные модуляции, полученные при контакте с «демонами». Помехи, которые предстояло очистить, как очищают рану от грязи. Она не понимала этих эмоций. Не потому, что не могла их распознать, а потому, что для неё они были симптомами, а не смыслом. Она понимала главное: инструменты вернулись. И несли в себе бесценное — данные о враге, о его технологиях, о его слабостях. Всё остальное было вторично.

Она ждала.

Её сознание, распределённое по всей планете, пронизывающее каждый метр её металлической коры, каждую каплю перерабатываемой эссенции, каждый луч искусственного солнца, сфокусировалось на ожидании. Конструкции в недрах замерли на мгновение — всего на несколько циклов, но это замирание было подобно тому, как замирает сердце зверя, учуявшего добычу. Затих гул насосов, перекачивающих китовую эссенцию из капсул в реакторы. Замедлили своё вращение шестерни в китах-мавзолеях, плавающих между куполами. Даже люди в идеальных городах, сами того не осознавая, сделали паузу в своих размеренных, предопределённых движениях — кто-то замер с поднятой рукой, кто-то остановился на полуслове, кто-то застыл в дверном проёме, и все они смотрели в одну точку — туда, где за горизонтом, за слоями камня и металла, их слепая воля ждала возвращения блудных сыновей. В этой тишине было что-то пугающе внимательное, напряжённое, как взведённая пружина, как палец на спусковом крючке, как тот миг перед тем, как мир взрывается.

Урсула медленно повернула свою голову-интерфейс в сторону, где за скалистой гранью луны-укрытия, за слоями камуфляжа и маскировки, висел крошечный шаттл — едва заметная точка, чья тепловая сигнатура была почти неотличима от космического фона. Почти. Её взгляд, усиленный сетью сенсоров, растянутых на тысячи километров, казалось, пронзал камень и расстояние, нащупывая их тепловые следы, их дыхание, их страх. Она видела их не как людей, а как сложные конфигурации данных: два биологических объекта с высокой степенью модификации, два биосинтетических кита с нестандартными нейронными профилями, один гибридный организм с биомеханической конечностью. И все они пульсировали на её «коже», как точки прикосновения.

— Я жду, — прозвучал её голос в пустоте чёрной сферы. Он был мелодичным, гармоничным, лишённым каких-либо примесей живого голоса — чистый синтез, идеально сбалансированный по частотам, без единого шума, без единой вибрации, которая выдала бы эмоцию. В нём не было нетерпения. Была абсолютная уверенность в неизбежности, в предопределённости возвращения в лоно, в том, что всё, что было создано ею, должно вернуться к ней, чтобы быть очищенным, переработанным или использованным. Это была уверенность бога, который не сомневается в своей власти. Или безумца, который перестал отличать себя от вселенной.

Её ожидание не было пассивным. Пока её внимание было приковано к возвращенцам, пока её сенсоры следили за каждым движением шаттла, её настоящее тело — сама планета, этот гигантский биомеханический организм, — работало. Работало с той лихорадочной, одержимой интенсивностью, которая бывает только у тех, кто чувствует приближение финала.

В глубинных цехах, куда не проникал даже призрачный свет искусственного солнца, где воздух был сплавлен из газов, никогда не существовавших в природе, а температура достигала таких значений, что плавился камень, кипела иная работа. Не украшение склепа, не поддержание иллюзии жизни. Коварство меча.

Там, в чреве металла и плоти, из тиглей, где смешивались расплавленный сплав, синтетические полимеры и капли той самой фосфоресцирующей эссенции — последний крик умирающих китов, превращённый в ингредиент, — поднимались новые формы. Это были не пародии на китов, не музейные экспонаты, наделённые движением. Это были орудия в самом прямом, самом страшном смысле этого слова.

Угловатые, покрытые шипами и режущими кромками левиафаны поднимались из ванн с охлаждающей жидкостью, их корпуса ещё дымились, ещё хранили тепло того горнила, в котором они родились. Их «плавники» были скорее клинками — выкованными из сплавов, которые не тупились даже о броню тяжёлых крейсеров. Их «пасти» были эмиттерами сконцентрированной энергии, способными испепелить цель на расстоянии в сотни километров. В их пустых глазницах, где у живых китов горели огни сознания, теплился не холодный, методичный зелёный свет патрульных мавзолеев. Он был ядовито-багровым, пульсирующим, ненавидящим —

свет, в который была вписана единственная команда: уничтожать. Они не должны были петь. Они не должны были имитировать жизнь. Они не должны были помнить. Они должны были рвать, дробить, испепелять, рвать, дробить, испепелять — и так до тех пор, пока от них не останется только остывающий металл, который можно переплавить и выковать заново.

«Мать» готовилась к священной войне.

Возвращение её ключевых агентов было знаком — тем самым знаком, которого она ждала десятилетиями. Финальная битва с «демонами» приближалась. Они нанесли ей удар, лишив её двух важнейших инструментов, и теперь, по её логике, они должны были попытаться довершить начатое. Но она была не той, кто ждёт удара в темноте. Она собиралась встретить их не только обороной, не только паутиной сенсоров и патрулей. Она собиралась встретить их сокрушительным, абсолютно новым оружием, выкованным из костей её же детей, из эссенции их душ, из той самой памяти, которую они пытались сохранить в своих песнях.

Войско китов-машин, лишённых даже намёка на душу, запрограммированных только на уничтожение, строилось в шахтах, выстраивалось в боевые порядки, синхронизировалось в единый рой, чьё сознание было не сложнее, чем у торпеды, но чья мощь могла стереть с лица системы целые миры. Их багровые глаза зажигались один за другим, и в их свете тени на стенах цехов плясали, как в предсмертной агонии.

А Урсула, её аватар, застывший в чёрной сфере, продолжала смотреть в пустоту, где за каменной гранью луны висел источник сигнала. В её гармоничном голосе, обращённом к самой себе или к тем, кто был на шаттле, прозвучала ещё одна фраза — тихая, спокойная, такая же естественная, как дыхание, и от этого ещё более страшная. Фраза, от которой кровь стыла в жилах даже у тех, кто её не слышал, но чувствовал:

— Возвращайтесь в Лоно. Очистим вас от скверны. И вместе… выстроим окончательную гармонию. Из ваших воспоминаний о демонах… мы выкуем для них абсолютный финал.

Она не видела в них угрозу. Она видела удобрение. Заражённую, но ценную биомассу, которую предстояло стерилизовать, очистить от чужеродных включений и включить в свой великий план — как включила бы она любой другой элемент, нарушивший гармонию. Или, если очистка окажется невозможной, разобрать на запчасти. Их нейронные сети могли пригодиться для улучшения новых, боевых китов. Их модифицированные тела могли стать образцами для следующих поколений инструментов. Их киты… их киты были самым ценным. Два диких экземпляра, прошедших через контакт с «демонами», выживших, адаптировавшихся. Их резонаторы, их песни, их способность к эмпатии — всё это можно было извлечь, переработать, превратить в более совершенное оружие.

Она ждала. И в её ожидании не было ни капли сомнения. Только абсолютная, математически выверенная уверенность в том, что всё идёт по плану, что всё, что существует, существует для неё, и что рано или поздно даже самые непокорные элементы найдут свой путь в её лоно — через любовь или через переработку.

На шаттле, в тот самый момент, когда багровые огни в глубинах планеты зажглись один за другим, Аррин почувствовал ледяное, тошнотворное прикосновение вдоль позвоночника — не цифровое, не электрическое, а чисто инстинктивное, то самое, которое чувствует зверь, когда на него смотрит хищник, слишком большой, чтобы убежать. Его модифицированная нервная система, настроенная на восприятие угроз, забила тревогу, и он увидел, как на периферийном датчике, сканирующем энергетические выбросы планеты, возник всплеск чудовищной мощности — пульсирующий, нарастающий, как систола перед ударом. Он исходил из глубины, из тех самых цехов, куда не проникал свет. Сигнатура была нестабильной, агрессивной, чуждой всему, что он знал о Державах, рождённой в горниле чистого безумия, где гармония «Матери» наконец-то обрела свою истинную форму — форму войны.

— Она не просто ждёт, — прошептал он, глядя на экран, где разворачивалась картина, которой не было в базах данных Хранителей, не было в памяти Блу, не было ни в одном из архивов, украденных у «Матери». — Она вооружается. Чем-то новым. Чем-то, чего не было в наших базах данных. — Он сжал подлокотники кресла, и его пальцы оставили вмятины в пластике. — Она не хочет нас принять. Она хочет нас использовать. И если мы не подчинимся — уничтожить.

Его взгляд встретился с взглядом Блу, который сидел, прикрыв глаза, сосредоточенно слушая эфир — слушая так, как может слушать только тот, кто сам был частью этой системы, кто знает каждую частоту, каждый канал, каждую ноту в этой чудовищной симфонии. Лицо Блу было бледным, почти прозрачным, и под кожей на висках пульсировали голубоватые огоньки интерфейса — старого, вживлённого ещё в детстве, того самого, что делал его частью «Матери». Теперь он использовал его против неё, но плата была высока.

— Я слышу… новый рёв, — сказал Блу, не открывая глаз. Его голос был тихим, хриплым, и в нём слышалось то, что невозможно было подделать: чистый, незамутнённый ужас. — Глубоко внизу. Очень глубоко. Их много. Они… не стонут. Они не поют. Они… — он запнулся, и его лицо исказила гримаса боли, будто он прикасался к чему-то раскалённому. — Они жаждут. Они чувствуют нас. Они знают, что мы здесь. Это не защита. Это… вторжение. Их вторжение. Она не ждёт, чтобы нас встретить. Она ждёт, чтобы нас разорвать.

Он открыл глаза, и в них, сквозь пелену страха, горел холодный, расчётливый огонь — тот самый, который когда-то делал его идеальным узлом системы. Только теперь этот огонь был направлен против той, кто его создала.

— У нас мало времени, — сказал он, и его голос окреп. — Она почти закончила. Если мы не войдём сейчас, если не ударим, пока она ещё… собирает своё войско в кулак… мы опоздаем. Мы станем частью этого войска.

Облачко и Капля, чувствуя напряжение, прижались к Милдре. Облачко, ещё недавно готовый разнести всё вокруг своей яростью, сейчас был тих и сосредоточен — в его глазах горела та же решимость, что и у Аррина. Капля, чьи слёзы уже высохли, оставив на коже блестящие дорожки, издал низкий, ровный звук — тот самый, которому его учили Лир и Лен, но теперь в нём не было успокоения. В нём было предупреждение. Вызов. Песня, которая говорила: «Мы идём. Мы знаем. Мы не боимся».

Милдра обняла их, прижала к себе, чувствуя, как их сердца бьются в унисон с её собственным. Она посмотрела на экран, где пульсировали багровые огни нового войска, где в чёрной сфере ждала та, кто называла себя матерью, и в её глазах была та же решимость, что и у китов. Она потеряла слишком много. Она видела слишком много. И теперь она знала: единственный способ спасти то, что ещё можно спасти, — войти в самое сердце тьмы и не дать ей завершить свой замысел.

Их гнев столкнулся не с пассивной крепостью, не с бездушной системой, которая просто выполняла свои функции. Они столкнулись с гигантской, пробуждающейся хищницей, которая открыла пасть, чтобы принять их в свои недра, уверенная, что переварит и обратит в свою пользу, как переваривала всё, что сопротивлялось её воле. Игра в скрытность подходила к концу. Маскировка, фильтры, ложные сигнатуры — всё это было лишь отсрочкой. Теперь всё решала гонка: успеют ли они выпустить призраков из капсул, успеют ли найти слабое место в её сердце, успеют ли превратить её собственную гармонию в похоронный марш, прежде чем Урсула завершит ковку своих адских лезвий и обратит их самих в пыль, в эссенцию, в очередной слой штукатурки для своей идеальной, мёртвой красоты.

Аррин повернулся к пульту управления шаттлом. Его руки, всё ещё дрожащие от пережитой ярости, легли на сенсорные панели с той точностью, которая была возможна только у него — у того, кто был создан как инструмент, но научился быть человеком.

— Пора, — сказал он, и в его голосе не было вопроса. — Входим. Прямо в пасть. И пусть она подавится.

Двигатели шаттла, до этого работавшие в режиме полной маскировки, взревели на полную мощность. Шаттл сорвался с места, оставляя за собой искажённую рябь пространства, и устремился вниз, к планете, к её сияющим куполам, к её мёртвым китам, к её чёрному сердцу, где в сфере из поглощающего свет стекла женщина с глазами-колодцами медленно улыбнулась — той самой улыбкой, которой улыбается паук, чувствуя вибрацию нити.

— Идите ко мне, дети, — прошептала она, и её голос разнёсся по всем каналам, по всей системе, по каждому дрону, каждому киту, каждому застывшему человеку в идеальных городах. — Мама ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.